

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 30, Is. 2, pp. 70–76, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-30-2-70-76
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 82

D. Ravjaa's Code in Modern Mongolian Poetry

Lyudmila S. Dampilova¹

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Chief Research Associate, Research Coordinator, Department of Literary and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: dampilova_luda@rambler.ru.

Abstract

D. Ravjaa's poetry is connected with works of modern literary artists at the level of motifs, artistic images and textual coincidences. The paper aims to determine the features of mortal and vital codes in Mongolian poetry. In this respect, it is urgent to study the problem of literary texts coding, the ways they incorporate quotations and allusions to traditional symbols, and interpret culture-specific archetypical literary themes. Being a universal principle for the interpretation of texts, the semantic-hermeneutical method allows to create a unified system of meanings of texts within a paradigm of numerous interpretations. The Buddhist idea of an indissoluble chain of existence contributes to the quiet and contemplative perception of life. The concept gives rise to the special mortal code inherent to Mongolian poetry. For example, in one of his poems, the famous poet Damdinsuren refers to D. Ravjaa's code and does not repeat the keyword in the text but rather designates it only in its name. Here, the new ordered sense is detected in an unusual sense of the original. The poet celebrates the five feelings, depicts the beauty of perception of the world in each stanza, and every last line of the stanzas glorifies the most perfect aspect of all those already mentioned. Damdinsuren's text is transparent for reading. He applies D. Ravjaa's recognizable code of perfect quality as an unambiguous vital code, makes reconstruction of elements of the code according to his individual poetical principles. The article considers D. Ravjaa's vital and mortal codes, specifics of their functioning and transformation in works by modern poets. Identification of the code of D. Ravjaa allows to determine the role of his works in the development of modern poetry. The mortal code of both the optimistic and pessimistic in modern Mongolian literature is closely connected with the Buddhist philosophical concept of death as infinity. It has features as follows: life as expectation of death, death as a benefit, love to death, quiet perception of death. The work reveals the close interrelation between mortal and vital codes in D. Ravjaa's poetry that are used in modern poetry in the transformed type. As a result, it is concluded that the code of D. Ravjaa is included in modern Mongolian poetry in the form of a hint or a direct quotation of his Buddhist philosophical concept. Motifs and details of the code are used in direct and reduced forms.

Keywords: D. Ravjaa, cultural code, Mongolian poetry, intertext, Buddhism.

Введение

Знаменитый гобийский нойон-хутухта Дулдуитын Равжа (Лувсанданзан Равжаа, Ашваа-гэгэн) (1803–1856), получивший традиционное буддийское образование, сочинял стихи и песни на монгольском и тибетском языках. Интертекстуальные связи поэзии Д. Равжи с современными произведениями художников слова существуют на уровне переключки мотивов, художественных образов и текстуальных совпадений. Вопрос о влиянии произведений поэта на творчество современных авторов тесно связан с вопросом о культурном коде, ибо его поэтическое слово вобрало в себя культурный опыт монгольского мира. Выражения из лучших стихотворений Д. Равжи, таких, как «Знаки совершенства» (монг. *Үлэмжийн чанар*), «Потеплело» (монг. *Урьхан хонгор*), «Неделимая душа» (монг. *Салж ядах сэтгэл*), «Пусть будет стыдно!» (монг. *Ичиг ичиг*), «Наказ вселенной» (монг. *Ертөнц авхайн жам*), стали афоризмами и вошли в сокровищницу монгольской словесности.

В данной статье целью исследования является выявление особенности мортального и витального кодов в монгольской поэзии. Под кодом мы подразумеваем «ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры: коды — это определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного: код есть конкретная форма этого „уже“, конституирующего всякое письмо» [Барт 1989: 455–456]. В работе основное внимание уделяется теории межтекстовых связей, проблемам интертекстуального анализа в целом. В этом аспекте

актуально изучение проблемы кодирования литературных текстов, наполнения их цитатами, аллюзиями на традиционные символы, интерпретации архетипических для данной культуры литературных мотивов и тем. Семантико-герменевтический метод как универсальный принцип интерпретации текстов позволяет нам создать единую систему значений текстов в парадигме многочисленных интерпретаций. Также используется сравнительно-типологический анализ с его методикой моделирования типовых образов, мотивов и сюжетов.

Мортальный код

В лирике Д. Равжи можно выделить песни философского, религиозного, политического, лирического, любовного содержания. Но, как отмечает Л. К. Герасимович, «невозможно бывает закрепить то или стихотворение за каким-либо определенным жанром. Одно и то же стихотворение, как бы мало ни было по объему, может заключать в себе философскую или морально-эстетическую сентенцию, дидактику, религиозный постулат или оду в честь ламства» [Герасимович 1986: 25].

В поэтическом наследии Д. Равжи есть произведения, к которым поэты обращаются регулярно. Философское кредо буддийского перерожденца Ашваа-гэгэна о сути всего сущего, жизни и смерти стало поводом для поэтических размышлений последующих поколений, одним из самых востребованных кодов в монгольской поэзии. Буддийская философия и традиции индо-тибетской канонической словесности находятся в основе лирического дискурса поэта. Общеизвестное четверостишие из стихотворения «*Хурмаст тэнгэр*» раскрывает центральную идею его буддийской концепции о сути бытия:

*Үүл нь гараад бороо орохын цагт,
Үүдэн гэмээ хоймор юуны ялгаа байх вэ?
Үйл байгаад үхэхийн цагт
Хөгшин гэмээ залуу юуны ялгаа байх вэ?*
[Равжаа 1991: 12]

Облака сгустились, дождь пойдет:
У двери сидишь или в почетном месте, какая разница?
Судьба такая, время смерти пришло,
Старый ты иль молодой, какая разница?
(пер. Е. В. Сундуевой)

Буддийская идея о единой цепи бытия: все в мире преходяще, надобно к этой жизни относиться как к временному явлению, порождает спокойное и созерцательное восприятие бытия. Эта же концепция рождает особый мортальный код, присущий монгольской поэзии. Его философские поучения прямо цити-

руются и аллюзивно используются на уровне подтекста и контекста. Согласно Б. Гаспарову, «текст рассматривается как вторичный продукт культурных кодов, палимпсестных наложений в толще культурной памяти. В тексте „манифестируются“ культурные „кодификации“» [Гаспаров 1993: 282].

Молодой поэт из Внутренней Монголии КНР Дорж-Юндэнгийн Болдхуяг, используя код вышеприведенного текста Д. Равжи,

в «Стихотворении о встрече смерти» (монг. *Үхлийг угтах шүлэг*) приветствует смерть как благо:

*Хэвлийдээ бүрэлдмэгц надтай шүтэн барилдаж,
Хэвтэж амрах чөлөөгүй намайг зорин тэмүүлсэн,
Үхэл чамайг би хадаг барин тосно,
Үнэн сэтгэлээсээ баярлан угтана.*

[Болдхуяг 2011: 21]

С материнского лона со мной связанную,
Ко мне без усталости стремившуюся,
Тебя, моя смерть, с хадаком встречаю я,
От всей души радуясь.

(пер. Е. В. Сундуевой)

Автор в нарочито восторженном стиле выстраивает весь текст. Смерть выступает как единственное мерило ценности и ориентир в жизненном пространстве. Кажется, канонизированный топос «жизнь как сон»

в буддийском варианте воспринимается в виде «жизнь как ожидание смерти». Следующие строки перекликаются с идеей Д. Равжи по основному вопросу, волнующему человека на протяжении всей жизни:

*Ээжийнхээ дараа л орвол өнөө маргааш хамаагүй,
Эмгэг өвчин хийгээд зуурдаар тонилох ялгаагүй,
Ирсэн шигээ байгалдаа гар хоосон буцаад,
Илүү дутуу гоёлгүй мөнхийн амгаланг олно.*

[Болдхуяг 2011: 21]

Возвращаться к матери сегодня или завтра,
нет разницы,
От болезни преждевременно умереть ли,
все равно.
Как пришел, так и ушел с пустыми руками
в свою обитель,
Без прикрас, в вечное блаженство уйду.
(пер. Е. В. Сундуевой)

Постижение собственной природы своего «я» предполагает постижение понятия смерти. Лирический герой Болдхуяга, движимый свободой индивидуалистического самоопределения, ищет свой неповторимый

путь. Он не верит в существование потустороннего мира, смерть как светлое начало также не предполагает буддийское перерождение. В данном случае смертельный код предполагает уход в вечную нирвану:

*Үнэндээ чи намайг тамд хүргэж өгөхгүй,
Үгүй хоосон диваажинг би тоож шинишгүй,
Үхэл чи миний төгсгөл ч болж чадахгүй,
Үүрд амгалан оршихуйн гэрэлт эхлэл болно оо.*

[Болдхуяг 2011: 21]

В действительности, ты меня не проводишь в ад,
Пустой, не существующий *диважан* меня не привлекает.
Смерть, ты моим концом стать не можешь,
Ты будешь светлым началом моего вечного блаженства.

(пер. Е. В. Сундуевой)

Лирический герой монгольского поэта Б. Батхуу приходит к выводу, что земная юдоль самая несчастная, и смерть более приятна и ближе человеку: *Хэнэйшье үхэбэл, харамсаха хэрэггүй. / Нэгэмнайшье хаань зоболонһоо хахасажал байг* 'Хоть кто умрет, не надо сожалеть. / Пусть хоть один освободится от скорби' [Батхуу 2009: 33]. Идея «Смерть моя, не покидай меня» проходит рефреном через все творчество поэта, и смертельный код срабатывает как необходимая, естественная, присущая вечности категория. Метафизическое неприятие человеческого удела в его поэзии проявляется на чувственном, эмоциональном уровне. Герой Б. Батхуу по настроению принимает

земную жизнь то резко негативно, то с буддийским спокойствием: «Я пришел в этот мир / ни творить, ни крушить — / Лишь увидеть хотел: / Как смеются цветы, / и желтеет листва, / Вод течение, покой, / Облака надо мной... / Эту землю погладить. / В вечность вернуться» [Батхуу 2009: 12, пер. Р. Шоймарданова].

Вероятно, не без основания сам поэт считает, что его идеи тесно связаны с традиционной монгольской философией. Его поэзии созвучны народная мудрость и философский взгляд на мир его учителя, поэта Данзана Нямсурэна, утверждающего, что 'Сегодня я по траве хожу. / Завтра на мне трава будет расти' *Өнөөдэр би өвсөн*

дээр гишгэнэм, / Өнө хойчдоо өвс над дээр ургана. Переживания единой цепи бытия мы видим в истоке творчества Б. Батхуу, воспринявшего подобное философское мировидение из народной мудрости, от своих предшественников.

В стихотворении из постмодернистского цикла Б. Галсансуха «Действительно грустное стихотворение» (монг. *Үнэхээр гүнигтай шүлэг*) мотивы «любви к смерти», «спокойного восприятия смерти в любое время», рассмотренные в вышеприведенных текстах, чередуются мотивами «ожидания смерти» в натуралистических беспощадных картинах. Текст дается в рамочном обрамлении, симметрично расположенном в начале и финале повествования: *Энд нэг л биш. Эмнэлэгт нэг л биш. Энд биш ээ* 'Здесь не то. В больнице что-то не то. Не здесь' [Галсансүх 2003: 15]. Заданный в названии печально повторяющийся рефрен является ведущим мотивом в словесном оформлении текста.

Если считать логичным утверждение, что все ждут смерти друг друга: муж — жены, читатель — поэта, любовница — любовника, внук ждет смерти деда, то в первый момент вызывает естественный протест и кажется нарочито придуманным эффектным средством включения внимания то, что дед ждет смерти внука. Мортальное настроение негативного характера дополняется размышлениями, что все в мире течет и изменяется, нет ничего постоянного, и в данном контексте возможно допустимо, что в мире действительно все живут в подспудном ожидании смерти друг друга, ибо все люди смертны.

И в этой мысли еще более утверждаешься, читая завершающие строки: *Сар гарахыг / Үүл хүлээнэ. Өглөө болохыг од хүлээнэ. / Үдэш болохыг нар хүлээнэ* 'Когда луна взойдет, / Ждут облака. А звезды ждут, когда наступит утро. / Наступления вечера ждет солнце' [Галсансүх 2003: 15]. Доминантная константа о всеобщем ожидании смерти друг друга, навязчиво повторяясь, разворачивается в контексте человеческой жизни, что кажется неправдоподобным, но дальнейшая констатация этой идеи в цикле природной жизни подспудно примиряет читателя со столь неординарной мыслью. Думается, что здесь срабатывает парадигма постмодернизма, где естественной является свободная от любых этических норм интеллектуальная рефлексия на мортальную тему. В данном случае следует отметить

«текстоформирующую роль» кода Д. Равжи. Итак, в современной монгольской поэзии в мортальном коде нет противоречия между жизнью и смертью. При сопоставлении стихотворений Д. Болдхуяга, Б. Батхуу, Д. Нямсурэна, Б. Галсансуха с мортальным кодом гобийского нойон-хутухты Д. Равжи явно видны параллели как на уровне темы, так мотивов и образов.

Витальный код

Мортальный и витальный коды в монгольской поэзии тесно связаны между собой. В этом отношении примечательны благопожелания, завершающие поэтический текст Д. Равжи, являющиеся в его поэзии кодовыми условными формулами: *Өлзий хутаг орших болтугай* 'Пусть будет много благодати'; *Түмэн түмэн насны өлзий* 'Тысячи и тысячи лет благоденствия'. Действительно, поэзия Д. Равжи, как и «поэтика средневековых тибетских стихотворных текстов, тесно связана с буддизмом и культурой своего времени» [Музраева 2001: 115]. Среди витальных кодов в виде благопожеланий долголетия встречаются философские формулы, показывающие неразрывный союз витального кода с мортальным: *Үхэх төрөхийн ялгал үгүй болтугай* 'Пусть не будет разницы между жизнью и смертью'. По мнению Д. Цагаан, поучения Д. Равжи в композиционном аспекте выстроены по образцу древнеиндийских и тибетских сочинений — вступление составляет обращение к божеству и эпилог завершается благопожеланиями [Цагаан 1981: 202].

В монгольской поэзии одним из самых используемых литературных кодов является знаменитое стихотворение Равжи «Знаки совершенства» / «Ты — совершенство» (монг. *Үлэмжийн чанар*). На родине поэта в пустыне Гоби этому стихотворению посвящен памятник, на котором высечен текст с нотами. По известной легенде, после пения этой песни душа очищается и приходит просветление.

Стихотворение расшифровать настолько трудно, что существует множество интерпретаций. На первом профанном уровне прочтения можно утверждать, что поэт восхваляет женщину при помощи пяти чувств — тех, что всем нам известны, т. е. зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, которые дают нам возможность познать земной мир. Здесь проявляется явный витальный код, связанный с любовной темой. По мнению Н. Энхбаяра, монголам характерно позна-

вать окружающее с разных точек зрения, выделяя каждое чувство отдельно, а европейцы чаще воспринимают мир одним чувством [Равжаа 2014: 120].

Действительно, в тексте есть утверждение красоты женщины: как пишет А. В. Мелехин, «в стихотворении „Ты — совершенство“ Равджа использовал прием восхваления „порождающих желание“ чар (в данном случае — женских), воздействующих на пять „внешних чувств“ человека. Этот прием восходит к трактату Дандина и может быть назван „украшением, выказывающим обольстительные чары“» [Мелехин 1991: 107]. Перевод названия стихотворения «Ты — совершенство» сужает смысл до любовной темы, а название «Знаки совершенства» придает философское значение всему тексту.

Особый интерес вызывает мнение тех монгольских исследователей, которые считают, что это стихотворение об абстрактном

качестве. Неоднозначное начало стихотворения (*Үлэмжийн чанар төгөлдөр / Өнгө тунамал толь чиг* ‘Знаки совершенства / Как зеркало, вбирающее все цвета’) предполагает поиск смысла текста за пределами рационального сознания. Возможно, значение фразы *үлэмжийн чанар* более близко к буддийскому понятию о пустоте как совершенном качестве, наполненном глубоким внутренним смыслом.

В целом, необходимо отметить, что лирический герой видит знаки совершенства как в окружающем мире, так и в абстрактной сути бытия. Если читать стихотворение как философскую сентенцию, становится понятной завершающая строфа этого оригинального произведения. Поэт, уверенный во взаимной связи реального и виртуального миров, констатирует, что, познав знаки совершенства всего, в итоге сможем соединиться с морем счастья в иной жизни:

*Хүний энэ насанд
Хүссэн хэргээ бүтээгээд
Хүсэлт тэнгэрийн эдлэл мэт
Хөлгүй жаргалангийн далайд
Хөвж хамт жаргая.*

[Равжаа 1991: 14]

В этой жизни мы,
Достигнув своей цели,
Как существа всемогущего неба,
Уйдя в море бесконечного счастья,
Вместе восторжествуем.

(пер. Е. В. Сундуевой)

В данном случае возможно допустить, что мортальный код определяется витальным кодом. Развивает основную тему произведения Д. Равжи известный поэт Ц. Дамдинсурэн в стихотворении «Совершенство вселенной» (монг. *Ертөнцийн чимэг*): *Яруу дууны сайхан / чихний чимэг гэвэл: / Ян ууланд донгодсон / хөхөөн дуу сайхан. / Ятга хуурын хангинасан / уран эгшиг сайхан. / Ямагт сэтгэлийг хөдөлгөсөн / уянгын ая сайхан / Янаг хонгорын дуу нь / тэр бүгдийн дээж* ‘Если говорить о нежной песне для слуха, / Прекрасно кукование кукушки в горах. / Прекрасна тонкая музыка / звучащих хура и ятаги, / Волнующая душу / прекрасна лирическая мелодия, / Но прекраснее всех голос любимой’ [Монголын... 2005: 100]. Он ни разу не повторил ключевое слово в тексте, только обозначил в названии стиха подтекстом, отсылая к коду Д. Равжи. В данном случае «подтекст можно формулировать как уже существующий текст, отраженный в последующем, новом тексте» [Тарановский 2000: 31]. Здесь наблюдается некое дистанцирование по отношению к первичному тексту, обнаружение в необычном смысле оригинала нового упорядоченного

смысла. Поэт, воспевая пять чувств, перечисляя в каждой строфе красоту восприятия мира, в последней строке каждой строфы воспекает самое совершенное из всего им перечисленного. Текст Ц. Дамдинсурэна — прозрачный для чтения. Он, используя узнаваемый код Д. Равжи — совершенное качество — как однозначный витальный код, производит реконструкцию элементов данного кода согласно принципам своей собственной поэтики.

Заключение

Исконные традиции народной поэзии, буддийские философские мотивы, сохранившиеся в поэзии Д. Равжи, особо востребованы в современной монгольской поэзии. Традиция как система ценностных кодов в поэтическом дискурсе становится основным знаковым ключом. Традиция «прежде всего предполагает чувство истории <...>, а чувство истории в свою очередь предполагает понимание той истины, что прошлое не только прошло, но продолжается сегодня» [Элиот 1997: 158].

Нами рассмотрены витальный и мортальный коды Д. Равжи, специфика их функционирования и трансформации в про-

изведениях современных поэтов. Выявление кода Д. Равжи дает возможность понять роль его творчества в развитии современной поэзии. Мортальный код как оптимистического, так и пессимистического характера в современной монгольской литературе, тесно связанный с буддийской философской концепцией смерти как бесконечности, имеет свои особенности: жизнь как ожидание смерти, смерть как благо, любовь к смерти, спокойное восприятие смерти. Также нами установлена тесная взаимосвязь между мортальным и витальным кодами в поэзии Д. Равжи, воплощенными в трансформированном виде в современной поэзии. В итоге необходимо констатировать, что способы включения кода Д. Равжи в современную монгольскую поэзию осуществлены в виде намека или прямой цитаты его буддийской философской концепции, использованы мотивы и детали кода в прямом и редуцированном виде.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: семиотика: поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
- Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М., Наука, 1993. 304 с.
- Герасимович Л. К. Светские мотивы в лирической поэзии Д. Равжи // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова 1884–1931. М.: Наука, 1986. С. 23–36.
- Мелехин А. В. Влияние «Кавьядарши» Дандина на поэтическое творчество Равджи // Взаимосвязи и закономерности развития литератур Центральной и Восточной Азии. М.: Наука, 1991. С. 103–118.
- Музраева Д. Н. К вопросу о структурно-композиционном построении тибетских стихотворений // Вестник КИГИ РАН (Юбилейное научное издание). Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 115–122.
- Нойон-хутухта Равжай // История Монгольской Народной Республики. Коллектив авторов, глав. ред. акад. А. П. Окладников, акад. Ш. Бира и др. Изд. 3-е. М.: Наука, 1983. С. 247–252.
- Тарановский К. О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
- Цагаан Д. Творчество Д. Равджи в свете взаимосвязей монгольской литературы с индийской и тибетской литературами // Литературные связи Монголии. М.: Наука, 1981. С. 198–207.
- Элиот Т. С. Назначение поэзии. М.: ЗАО «Совершенство», 1997. 350 с.
- Монголын сонгомол яруу найраг. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2005. 276 х.
- Батхүү Б. Орчлон. Улаанбаатар: б/и, 2009. 156 х.
- Болдхуяг Д. Мянган оны хойно. Хөх хот: б/и, 2011. 76 х.
- Галсансүх Б. Яруу найргийн шинэчлэлийн төлөөх зуун жилийн дайн. Улаанбаатар: б/и, 2003. 118 х.
- Равжаа Д. Үлэмжийн чанар. Сайншанд: «Ялалт» сонины хэвлэл үйлдвэр, 1991. 252 х.
- Равжаа Д. Судлалын тойм-2. Улаанбаатар: «Бэмби сан» хэвлэл үйлдвэрт хэвлэл, 2014. 441 х.

References

- Barthes R. *Izbrannye raboty: semiotika: poetika / per. s fr., sost., obshch. red. i vstup. st. G. K. Kosikova* [Selected works: semiotics: poetics. Transl., comp., etc. by G. Kosikov]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russ.).
- Gasparov B. M. *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary leitmotifs. Sketches on the 20th century Russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 304 p. (In Russ.).
- Gerasimovich L. K. *Svetskie motivy v liricheskoy poezii D. Ravzhi* [Secular motifs in Danzanravjaa's lyric poetry]. *Mongolica. Pamyati akademika Borisa Yakovlevicha Vladimirtsova 1884–1931* [Mongolica. In remembrance of academician Boris. Ya. Vladimirtsov (1884–1931)]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 23–36 (In Russ.).
- Melekhin A. V. *Vliyanie «Kav'yadarshi» Dandina na poeticheskoe tvorchestvo Ravdzhi* [Influence of Dandin's *Kavyadarsa* on Danzanravjaa's poetry]. *Vzaimosvyazi i zakonornosti razvitiya literatur Tsentral'noy i Vostochnoy Azii* [Interconnections and common factors in the development of Central and East Asian literatures]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 103–118 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *K voprosu o strukturno-kompozitsionnom postroenii tibetskikh stikhotvorenii* [Revisiting the structure and composition of Tibetan poems]. *Vestnik KIGI RAN (Yubileynoe nauchnoe izdanie)* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS, jubilee edition), Elista, Dzhangar Publ., 2001, pp. 115–122 (In Russ.).
- Noyon-khutukhta Ravzhay [Noyon Khutagt Ravjaa]. *Istoriya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki. Kollektiv avtorov, glav. red. akad. A. P. Okladnikov, akad. Sh. Bira i dr. Izd. 3-e*

- [A history of the Mongolian People's Republic. Edit. by A. Okaldnikov et al. 3rd ed.]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 247–252 (In Russ.).
- Taranovsky K. *O poezii i poetike* [About poetry and poetics]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 2000, 432 p. (In Russ.).
- Tsagaan D. *Tvorchestvo D. Ravdzhi v svete vzaimosvyazey mongol'skoy literatury s indiyской i tibetskoy literaturami* [Danzanravjaa's works in the light of relations between Mongolian, Indian and Tibetan literatures]. *Literaturnye svyazi Mongolii* [Mongolia's literary relations]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 198–207 (In Russ.).
- Eliot T. S. *Naznachenie poezii* [On poetry]. Moscow, Sovershenstvo Publ. Ltd., 1997, 350 p. (In Russ.).
- Mongolyn songomol yaruu nayrag* [Selected Mongolian poetry]. Ulaanbaatar, Mönkhiyn Üseg Publ., 2005, 276 p. (In Mong.).
- Batkhiüü B. *Orchlon* [The universe]. Ulaanbaatar, 2009, 156 p. (In Mong.).
- Boldkhuyag D. *Myangan ony khoyno* [After a hundred years]. Hohhot, 2011, 76 p. (In Mong.).
- Galsansükh B. *Yaruu nayrgiyn shinechleliyn tölөөkh zuun zhiliyn dayn* [A hundred-year war for the renewal of poetry]. Ulaanbaatar, 2003, 118 p. (In Mong.).
- Ravjaa D. *Ülemzhiyn chanar* [Signs of perfection]. Sainshand, Yalalt Publ., 1991, 252 p. (In Mong.).
- Ravjaa D. *Sudlalyn toym-2* [Volume of research – 2]. Ulaanbaatar, Bembi San Publ., 2014, 441 p. (In Mong.).

УДК 82

КОД Д. РАВЖИ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

Людмила Санжибоевна Дампилова¹

¹ доктор филологических наук, главный научный сотрудник, координатор работы, отдел литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: dampilova_luda@rambler.ru.

Аннотация. Интертекстуальные связи поэзии Д. Равжи с современными произведениями художников слова существуют на уровне переключки мотивов, художественных образов и текстуальных совпадений. В данной статье исследуются особенности мортального и витального кодов в монгольской поэзии. Основное внимание уделяется теории межтекстовых связей, проблемам интертекстуального анализа в целом. В этом аспекте актуально изучение проблемы кодирования литературных текстов, наполнения их цитатами, аллюзиями на традиционные символы, интерпретация архетипических для данной культуры литературных тем. Семантико-герменевтический метод как универсальный принцип интерпретации текстов позволяет создать единую систему значений текстов в парадигме многочисленных интерпретаций. Нами рассмотрены витальный и мортальный коды Д. Равжи, специфика их функционирования и трансформации в произведениях современных поэтов. Выявление кода Д. Равжи дает возможность понять роль его творчества в развитии современной поэзии. Мортальный код как оптимистического, так и пессимистического характера в современной монгольской литературе, тесно связанный с буддийской философской концепцией смерти как бесконечности, имеет свои особенности: жизнь как ожидание смерти, смерть как благо, любовь к смерти, спокойное восприятие смерти. Также нами установлена тесная взаимосвязь между мортальным и витальным кодами в поэзии Д. Равжи, используемая в трансформированном виде в современной поэзии. В итоге необходимо констатировать, что способы включения кода Д. Равжи в современную монгольскую поэзию осуществлены в виде намека или прямой цитаты его буддийской философской концепции, использованы мотивы и детали кода в прямом и редуцированном виде.

Ключевые слова: Д. Равжа, культурный код, монгольская поэзия, интертекст, буддизм.